

бо слухачамі / глядачамі), рэфлексуюць над уласным жыццём з нагоды рытмізаванага бэкграўнду. У вершы, назва якога супадае з назвай зборніка, апісваецца выкананне джазавым піяністам блюзу адной ноччу ў Гарлеме. Праз апісанне глядача выява музыкі памежная, чорна-белая, падобная да трыкстарскай. Тэкст верша толькі набліжаецца па сваёй структуры да блюзавай лірыкі, ён застаецца паэтычнай формай для чытання. Праз джаз паэт апісвае рэальнасць начнога жыцця ў Гарлеме – за вонкава яркай і прыгожай экзотыкай афраамерыканскіх кабарэ стаіць пустэча фрагментаванага самаўспрымання і вонкавай стэрэатыпнай адзнакі Іншых, цяжар жыццёвых выбараў і пытанняў ўласнай бяспекі.

Такім чынам, музычная тэма ў паэтычных зборніках «Жалейка» і «Стомлены блюз» раскрываецца праз 1) адпаведныя паэтычныя характарыстыкі тэксту (выкарыстанне ямба і харэя, сінтаксічных паўтораў і гукаперайманняў, зменцівага рытмічнага малюнку, вернакуляра) дзеля стылізацыі вершаў пад народныя спевы, блюз/джаз; 2) вобраз песняра/музыкі, які праз музыку выказвае як індывідуальныя пачуцці і думкі, так і рэфлексуе з нагоды нацыянальнага/расавага пытання; 3) матыўны комплекс, тэматычна звязаны з музычнымі кампазіцыямі (жыццёвая нядоля, нешчаслівае каханне, экзістэнцыяльныя разважанні з нагоды вартасці чалавечага жыцця, духоўных каштоўнасцяў і інш.) Калі Я. Купала выкарыстоўвае музычную тэму ў якасці лагічнага працягу багушэвіцкай традыцыі, абіраючы не толькі аплакваць цяжкі лёс сваёй нацыі, але і па-прароцку заклікаць да іншага вектару думак, то для Л. Х'юза музыка дваістая, аб'ядноўвае жаданне паказаць аўтэнтычнасць культуры афрыканскіх перасельнікаў і скарыстаць амерыканска-еўрапейскую моду на прымітывізм дзеля пашырэння чытацкай аўдыторыі. Афраамерыканскія рытмы у камбінацыі з вернакулярнай прававай надаюць тэксту кантраснасць, забяспечваюць неабходную гульню падтэкстаў. Музыка беларускага лёсу больш павольная, для яе характэрна спалучэнне амаль сентыментальнай чулівасці пры апісанні прыроды, выказванні любові да радзімы, і рамантычнага пафасу барацьбы за самавызначэнне і незалежнасць.

Бібліяграфічны спіс

1. Купала, Я. Жалейка / Я. Купала. – СПб.: Тып. К. Пянткоўскага, 1908. – № 6. – 161 с.
2. Hughes, L. The Weary Blues / L. Hughes. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1926. – 109 p.

Бисерова Анна Дмитриевна

магистр (Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия)
biseroва.ann@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОПРАВДАНИЯ БОГА В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ ОТ «ПОТЕРЯННОГО РАЯ» ДЖ. МИЛЬТОНА ДО «ТЕМНЫХ НАЧАЛ» Ф. ПУЛМАНА

В статье прослеживается диахронический аспект развития концепции теодицеи поэмы Д. Мильтона в английской литературе.

Ключевые слова: Джон Милтон; религиозный миф; свобода воли; теодицея; Филип Пулман.

Монументальный эпос Джона Мильтона «Потерянный рай» (1667) положил начало проблеме оправдания Бога. Современными исследователями произведение Дж. Мильтона традиционно рассматривается как: «...поэтическая теодицея – по-

пытка художественно оправдать божественный замысел мироздания» [1, с. 278] то есть оправдать замысел Творца перед человечеством. Однако эстетическая сложность эпоса породила двусмысленность, которую последующие поколения авторов и литературоведов трактовали противоречиво. Пред Романтик У. Блейк полагал, что автор поэмы невольно встал на сторону Дьявола, подчеркивая тем самым притягательность образа мятежника. Современники Мильтона отмечали, что наиболее ярким персонажем эпопеи стал Сатана, чья риторическая мощь и внутренний героизм вызвали сочувствие к бунту. Подобная амбивалентность заложила основу длительного литературного диалога о природе зла и справедливости, где заявленная апология Бога сосуществует с непреднамеренной симпатией к мятежнику. Неудивительно, что мнения исследователей расходятся: апологет К. С. Льюис высоко оценивал мильтоновский эпос как успешное оправдание Провидения, тогда как критик У. Эмпсон отмечал, что поэт вопреки намерениям изобразил небеса в отталкивающем виде.

В эпоху романтизма двойственность воплотилась в феномене «романтического сатанизма» – тенденции изображать павшего ангела не злобным антагонистом, а символом личной независимости и творческого протеста [2, с. 5]. Поэты-романтики (Дж. Г. Байрон, П. Б. Шелли и др.), продолжая внутренний диалог Мильтона, сознательно героизировали бунт против небесной власти. Так, в драме «Каин» (1821) Байрон ставит под вопрос справедливость Бога-Творца, а в лирической драме «Прометей освобожденный» (1820) Шелли открыто симпатизирует титану-противнику как носителю прогресса. Как отмечает П. Шок: «...романтики превратили павшего ангела в героя экзистенциального сопротивления традиционному теоцентризму» [2, с. 8].

В викторианскую эпоху акцент сместился на проблему «несправедливых» страданий и утрату веры в благой промысел. На фоне подрыва традиционных метафизических устоев стремительным развитием науки и общественной мысли, демонстрирует дальнейший отход от классической теодицеи к секуляризованному осмыслению зла. Писатели середины и второй половины XIX в. (Дж. Элиот, Т. Харди и др.) показывают мир, в котором божественная справедливость утрачивает свою однозначность. Так, Дж. Элиот в романе «Миддлмарч» предлагает взамен утраченной веры «религию человечности» – этическую систему, основанную на человеческом сострадании [3]. Аналогично Т. Харди в романах «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) и «Джуд Незаметный» (1895) изображает вселенную неведомых сил, где даже при наличии высшей воли ее невозможно оправдать. О кризисе традиционной апологетики свидетельствует и популярный в 1890-е роман М. Корелли «Скорь Сатаны», героем которого является Сатана, в образе разочарованного аристократа, подвергает сомнению устои веры и морали. Тем самым литература XIX в. фактически переводит проблему теодицеи в плоскость человеческой этики, признавая неразрешимость вопроса о происхождении зла.

Первая половина XX в. озаменована трагическими потрясениями (Первая и Вторая мировые войны), которые возродили интерес к вопросу справедливости миропорядка. На этом фоне появляются произведения, восстанавливающие религиозно-теистическую картину мира. Например, христианские писатели К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкин в своих притчевых прозах утверждали изначальную правоту Творца и смыслотворческую роль страдания. Однако к концу столетия наступил постмодернистский этап открытой антитеодицеи. В трилогии Ф. Пулмана «Темные начала» (1995–2000) библейский миф радикально переосмыслен: Бог

(фигурирующий под именем Authority) предстает лже божеством-узурпатором, а само оправдание высшей силы полностью отвергается. Пулман предлагает человечеству самостоятельно определять моральные ориентиры без опоры на трансцендентные догматы. Данная позиция упоминается литературоведами как пост религиозный, антитеодицейный дискурс. Г. Кедвеш. подчеркивает: «*важнейшие вопросы по-прежнему остаются религиозными по своей сути, хотя решать их следует уже вне теистических рамок*» [4, р. 960]. Тем самым «*Темные начала*» служат заключительным звеном многовекового диалога с мильтоновской традицией, смещая акценты от теоцентрической парадигмы к гуманистической.

Таким образом, рассмотренный диалог от Дж. Мильтона до Ф. Пулмана демонстрирует постепенный переход от теоцентрического мировоззрения к гуманистическому. Эволюция образов Бога – от их традиционного богословского понимания в эпоху Мильтона до радикальной переоценки в трилогии Пулмана отражает смену фундаментальных культурных парадигм. Произведения ключевых английских авторов XVII–XXI вв. показывают путь от утверждения божественной справедливости к эстетике сомнения и нарративам антитеодицеи, что свидетельствует о глубокой секуляризации сознания и переосмыслении понятия справедливости вне религиозного контекста. Эта трансформация литературных интерпретаций теодицеи от «*Потерянного рая*» до «*Темных начал*» является отражением общей тенденции перехода от апологии Бога к утверждению ценности человеческого выбора и ответственности без опоры на религиозные догматы.

Библиографический список

- Чамеев, А. А. *Поэма Мильтона как теодицея в художественной форме* // Художественный текст как целостная система: межвуз. сб. / под ред. Л. В. Сидорченко. – СПб., 2008. – С. 276–284.
- Schock, P. A. *Romantic Satanism: Myth and the Historical Moment in Blake, Shelley and Byron*. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – 235 p.
- Beer, G. *George Eliot*. – Brighton: Harvester Press, 1983. – 208 p.
- Kedves, G. *Theodicy and Authority in Pullman's His Dark Materials* // Literature Compass. – 2012. – Vol. 9, № 12. – P. 956–964.

Борисеева Елена Александровна

канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)
boriseeva2012@yandex.by

РЕАЛЬНОЕ И ВЫМЫШЛЕННОЕ В РОМАНЕ РОМЕНА ГАРИ «ЕВРОПА»

В статье определяется значение философско-эстетической концепции романа «Европа» Ромена Гари для подготовки литературной мистификации. Ключевая для романа проблема кризиса европейской цивилизации обусловлена разрывом между высокими идеалами, транслируемыми искусством (воображаемой Европой), и реальностью концлагерей. Основная авторская стратегия, направленная на создание «ускользающей идентичности» в романе, связывается с организацией троплэй на разных уровнях повествования (повторяющиеся сцены как плод воображения разных персонажей, гибридно-цитатный характер персонажей, включение биографических деталей в онирическую реальность романного мира).

Ключевые слова: литературная мистификация; роман; троплэй; фикционализация; художественный вымысел.